

ПОМНИМ

МИР БЕЗ УЛНОВОЙ

Грудь. — 1998. — 29 апр. — с. 6

Для многих легендарная балерина была и остается эталоном честности и душевной красоты

В девять часов вечера вздрагиваю от телефонного звонка. Потом понимаю: это не Ее звонок. Ее звонков, ее обычного вопроса: "Я вам, Леночка, не помешала?" (она — мне помешала!), ее тихого голоса уже никогда больше не будет.

Говорят, душа человека покидает эту землю на сороковой день. Значит, на нашей обедневшей земле не стало не только самой Галины Сергеевны Улановой, но и ее души. И что это значит для осиротевшего человечества, мы, наверное, сразу и не поймем.

Последние четыре месяца болезни для Галины Сергеевны были самыми сложными в ее жизни. Раньше она все тяготы переносила достойно: возраст, болезни, ранний уход Тани Агафоновой, близкого друга, очень помогавшей ей. Но сил и здоровья на самые последние испытания уже не хватало...

На одной из немногих оставшихся у меня пленок с голосом Галины Сергеевны есть такие слова: "Мне никогда ничего легко не давалось, вся моя жизнь — преодоление".

В последние годы Галина Сергеевна часто вспоминала детство. Голодное, холодное, после революционное детство в балетном училище. Она вспоминала ледяную воду из рукомойников, маленькие кусочки хлеба на тарелках с царскими вензелями. И желание убежать домой, и шепот матери Марии Федоровны Романовой, преподавательницы балетного училища: "Я не могу тебя забрать отсюда, ты должна оставаться".

Маленькая девочка, воспитанная простым бытом дружной и работящей семьи, с тем кодексом порядочности и чести, который в начале века был неподдельным, знала значение слова "должна". Под знаком этого слова и прошла вся ее артистическая и педагогическая жизнь.

На той же пленке такие слова: "Рядом со мной всегда шло что-то, что мне мешало радоваться. Не было такого: ах, как все хорошо! Вся жизнь — в отречении. Того нельзя, то невозможно".

Помню, как однажды в доме Улановой один из очень тогда известных режиссеров говорил — не без гордости — о комитетах, коллегиях, жюри, собраниях и заседаниях, в которых он должен принимать участие. Режиссер ушел, а Галина Сергеевна задумчиво сказала: "Если бы я жила таким образом, я бы не продвинулась дальше четвертого ряда в кордебалете".

Каждое утро, всю жизнь она начинала с упражнений. Не было: не могу, не хочу, не буду. Так было и в семьдесят, и в восемидесят, и в восемьдесят пять лет.

Все, что касалось ее профессии и занятий с учениками, было понятным и необходимым преодолением. Были и другие пре-

одоления, мучительные и трудные.

Так получилось, что не любящая официальных признаний и не искашившая их Галина Сергеевна Уланова была осенана орденами и званиями. Звезду Героя Труда я видела на Улановой однажды: в

день получения второй звезды и

ее юбилея в театре.

Четыре ордена Ленина и другие ордена так и пролежали в секрете, не надаваемые и, как все остальные награды, не замечаемые ею. Никто и никогда не слышал, чтобы Уланова произнесла принятые в то время слова благодарности в адрес "партии и правительства". Галина Сергеевна Уланова была патологически искренним человеком, могла промолчать и не сказать того, что думает, но никогда и никому не говорила того, что не думает, не чувствует.

От последнего своего юбилея в Большом театре Галина Сергеевна отказалась, сказав, что, во-первых, это не круглая дата, а потом: "Хватит же, сколько можно сидеть в ложе на виду у всего театра?" В обычные дни на спектаклях она сидела в уголке, не видная залу. Но в театр на спектакль 8 января собиралась. А накануне дня рождения решила: "Не пойду я на "Лебединое". Хотя и надо бы — новая постановка. Но я знаю Володю (Васильева. — Е.Б.), он выйдет и скажет: "У Улановой день рождения". А я прячусь от этого".

Галина Сергеевна сторонилась некоторых непонятных и так и не принятых ею изменений в нашей жизни. Она очень редко смотрела телевизор и слушала радио — разве только передачи классической музыки. Но и за эти редкие включения, за быстрые поездки из дома в Большой театр она успевала заметить многое. Те же вывески. "Почему мы стали не-русскими?" У нас же есть свой язык!" Посмотрела случайно кусочек каких-то политических дебатов и заметила: "Общество рассыпано, как песок". Послуша-

ла пять минут по радио выступление одного из политических деятелей: "Это неприлично — так говорить о президенте. Это какая-то новая нация!" Увидела клип: "А это что такое? Это как раньше — четвертушку хлеба разали на 4—5 частей. Зачем это? Конечно, я понимаю: сейчас вре-

Фото А. РУБАШКИНА.

следних лет было знакомство с молодыми балеринами Мариинского театра. Уже в Москве, вспомина виденное, она говорила: "Мы бы так не станцевали". Она находила для них особые слова: "В танце — облачность, беззаботность и мягкость".

Уже в больнице смотрела по телевизору новую постановку "Жизели", радуясь, что Васильев принял какие-то ее советы и замечания.

Последние годы дом Улановой пустел. Была у Галины Сергеевны такая идея: раздать все при жизни, хотя близкие, страшась разоренной квартиры ее, от этого отговаривали. Было многое

подарено театральному музею Петербурга, отдала Галина Сергеевна свои костюмы и мемориальные вещи музею при Петербургской академии хореографического искусства имени Вагановой.

Последнее пребывание в Барвихе, где она была, как всегда, окружена любовью и вниманием, было грустным. Галина Сергеевна по "своим" дорожкам уже не гуляла и к пруду, где еще прошлым летом сама гребла на лодке, не подходила.

Но дома ее последние дни были спокойными. Пришла милый и внимательный невропатолог, понравившаяся Галине Сергеевне, похвалила, сказала, что есть прогресс. И появилась надежда, что уйдет шум в ушах, головокружение, и тогда...

В это "и тогда" вкладывалось многое. В том числе и оформление того, о чем говорилось устно: завещать квартиру Большому театру для того, чтобы, как не раз повторяла Галина Сергеевна, "чужие руки не копались в моей жизни".

Она хотела, чтобы близкие люди занялись "всем этим". Под "этим" подразумевалось отдать еще что-то в Петербургский музей, ценные книги — в научную библиотеку СТД, архив — в ЦГАЛИ, раздать на память что-то из "немузейного" тем, кто, когда Тани Агафоновой не стало, помогал Галине Сергеевне, не забыть про учеников и их детей, основать на то, что "можно продать", стипендии для студентов балетных школ...

Но, по правде говоря, о юридическом оформлении дел забылись больше всего ее друзья, а сама Галина Сергеевна с простодушием ребенка говорила: "Неужели вам не поверят, что это были мои слова, моя воля?"

И самое горькое, что после ее ухода случилось то, чего больше всего она боялась: чужие и беспардонные руки взялись за ее жизнь.

Уланова была человеком бесконечного такта, деликатности и ранимости. Иногда казалось: у нее нет кожи, нет защитного покрова. Она боялась публичности, чужого любопытства, чужих глаз. Часто говорила: "Я со сцены сошла уже давно, о чем же писать?" Она отказывалась от всех интервью решительно и иногда раздраженно.

Помню, когда я, присутствуя при таком отказе-разговоре по телефону, который коротким не был, предупредила Галину Сергеевну, что все может быть записано и потом использовано. Она ответила недоверчиво-удивленно: "Но так не поступают порядочные люди. Я же сказала: я не хочу давать интервью. Нет, они не посмеют".

При ее жизни не посмели. А после ухода — смогли. Порядочные люди так действительно не поступают. Они не пишут про мифические "бриллианты Фаберже", которых у Улановой не было. Порядочные редакции не разрешают своим корреспондентам, близко не видевшим Уланову и никогда не бывавшим в ее доме, сплетничать о том, чего они не знают и знать не могут. Порядочные журналисты не сочиняют небылицы о том, что Уланова, не умевшая готовить и не любившая говорить о еде, писала... книгу о здоровой и вкусной пище.

При ее жизни просто бы не посмели в статье главного редактора известного еженедельника с трогательным заголовком "Моя Уланова со сцены не уйдет" назвать элегантную, всегда со вкусом одетую Галину Сергеевну "божьим одуванчиком", уверять, что скромнейшая Уланова говорила о себе "мы", повторять мещанские фантазии о шикарной норковой шубке и роскошном кадилаке, "подаренном каким-нибудь иностранным президентом".

Простите меня, Галина Сергеевна, за моих коллег.

Мы все всегда в чем-то виноваты перед ушедшими. Галина Сергеевна была человеком гордым и никогда никого ни о чем для себя не просила. И поэтому казалось, что ей ничего не нужно. Ни комнатки на даче среди зелени и тишины, ни особого внимания врачей в поликлинике, ни продления путевки в санатории, ни... Впрочем, о чем это я? Ничего не изменишь и ничего не вернешь.

От тех тяжких, мучительных — иных, наверное, и не бывает — похорон остались в памяти как утешение лица не очень хорошо одетых пожилых людей, шедших проститься с Улановой, в чьих семьях, в чьих сердцах она была и останется эталоном красоты и чистоты.

Когда-то Галина Сергеевна сказала: "Самое трудное — сыграть простоту". Улановой не надо было ее играть. Чистота, кажущаяся детскостью, естественность, непосредственность были ее сущностью.

Как бы удержать это на нашей земле?

Елена БРУСКОВА.